

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЧИНГИСХАН

ИМПЕРСКАЯ
ИДЕЯ

завоевателя мира

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

2·0·1·6

УДК 929(517.3) Чингисхан
ББК 63.3(5Мон)-8
Ч63

Ч63 **Чингисхан. Имперская идея** / авт.-сост. А.В. Мелехин; пер. с монг. А.В. Мелехина и Г.Б. Ярославцева. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 316,[4] с.: ил. — (*Иллюстрированная военная история*).

ISBN 978-5-17-096481-9

В книге «Чингисхан. Имперская идея» повествуется о том, что вдохновляло великого правителя и полководца Чингисхана на столь обширные завоевания и каковы были глубинные причины огромных успехов ведомого им народа.

В первом разделе книги вы узнаете об основанном Чингисханом монгольском тэнгэризме как идеологии кочевой империи, которой он придавал не меньше значения, чем превосходству военных сил, и которая стала мощным моральным доводом, узаконившим насильственные действия монголов в мировом масштабе. Вы познакомитесь с дошедшими до нас установлениями («Великая Яса») и изречениями («Билик») Чингисхана, которые наглядно свидетельствуют о том, какими «известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему», руководствовался Чингисхан, создавая свою непобедимую армию.

Свидетельства современников Чингисхана (китайских послов-разведчиков и западноевропейских христианских миссионеров), вошедшие во второй раздел книги, дают представление о ратном искусстве монголов эпохи Чингисхана: организационной структуре монгольской армии, ее вооружении, некоторых тактических приемах в боевых действиях, в том числе и при осаде крепостей, моральном воздействии на население и, главное, о целях их военной доктрины «всемирного единодержавия».

В третий раздел данного издания включены главы новой книги А.В. Мелехина «Чингисхан. Хроника жизни. Летописный свод». Этот фрагмент охватывает период с 1215 по 1227 год, время Среднеазиатского похода армии Чингисхана и завершающего этапа его многолетней войны с Тангудским царством. Исторический материал, содержащийся в этих главах, дает наглядное представление о том, как претворялась в жизнь доктрина «всемирного единодержавия» Чингисхана, как были применены на практике те «высшие принципы и идеи, соединенные в стройную систему», которыми руководствовался Чингисхан, осуществляя военное строительство, как проявили свое ратное искусство воспитанные им монгольские военачальники.

УДК 929(517.3) Чингисхан
ББК 63.3(5Мон)-8

ISBN 978-5-17-096481-9

© А.В. Мелехин, 2016
© Г.Б. Ярославцев, наследники, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧИНГИСХАН
1162 — 1227

Предисловие

Человек богатырского телосложения будет славен при жизни.

Человек могучего ума будет славен в веках.

Чингисхан

Если подчиняешь себе множество людей,

прежде всего стань властителем их душ;

люди никуда не денутся, если ты покорил их души.

Чингисхан

Многие столетия, прошедшие после эпохи Чингисхана, люди задаются вопросом, что вдохновляло Чингисхана и его ближайших преемников на столь обширные завоевания и каковы были глубинные причины огромных успехов вedomого ими народа? Как справедливо считал Г. В. Вернадский: «Монгольская экспансия была результатом комбинации многих разнородных факторов и мотивов, варьирующихся от жадности воинов по захвату богатых трофеев до более конструктивного торгового империализма монгольских правителей и грандиозной концепции универсальной империи». «Глубинные причины огромных успехов» Чингисхана и Г. В. Вернадскому, и большинству современных исследователей видятся в первую очередь в созданной им армии, в военном искусстве воспитанных им монгольских военачальников.

Но есть и другое мнение. В Сирийской «Летописи» Григория Аб-уль-Фараджа есть следующий фрагмент «Великой Ясы» Чингисхана: «Когда нужно писать бунтовщикам (всем, кто отказывается подчиниться. — А.М.) или отправлять к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться — что мы знаем? Бог всевечный (Всевышний Тэнгри. — А.М.) знает, что с вами будет. И в этом они (монголы) показали уверенность, возложенную ими на Господа. И этим они побеждали и побеждают». Основываясь на свидетельстве древнего летописца, современный монгольский ученый Ш. Бира считает, что «помимо всего прочего, необыкновенным успехам Чингисхана при создании обширной кочевой империи во многом способствовала его незыблемая вера в Небесную силу (Всевышнего Тэнгри. — А.М.) и в свою харизму. В этом плане

он был основателем монгольского тэнгэризма как идеологии кочевой империи..., и придавал ей не меньше значения, чем превосходству военных сил». В этой связи, как мне представляется, прежде чем говорить о «высших принципах и идеях, соединенных в стройную систему», которыми руководствовался Чингисхан, осуществляя военное строительство, следует рассказать о его «грандиозной концепции универсальной империи», ныне называемой доктриной «всемирного единодержавия», или «монгольским тэнгэризмом». Но прежде — несколько слов о религиозных воззрениях древних монголов, на которых эта доктрина базировалась.

Култ Всевышнего Тэнгри, или тэнгрианство (Тэнгрианство — от общего тюрко-монгольского слова «тенгери»: по-тюркски — *Tängri*, по-монгольски — *Tngri*, современное монгольское произношение — тэнгэр, по-русски можно перевести как «небо»), — это фундаментальная концепция шаманизма, традиционной народной религии древних обитателей Монголии. Они почитали Вечное Синее Небо как верховное божество — Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку, дарующего жизнь, одушевляющее все живое, управляющее миром и руководящее делами человека. Для монголов эпохи Чингисхана все происходившее вокруг совершалось по воле Всевышнего Тэнгри и благодаря дарованным им Небесным Владыкой жизненным силам. Подтверждением тому являются свидетельства современников Чингисхана. Так, посол императора Южно-Сунской династии, китаец Чжао Хун, побывавший у монголов в 1221 году, в своей «Записке о монголо-татарах» отмечал, что «...они (монголы) непременно поклоняются Небу (Всевышнему Тэнгри. — А.М.)... Они обыкновенно весьма чтут Небо и Землю; во всяком деле упоминают о Небе (т.е. призывают Небо в свидетели), ...говоря, такова воля Неба».

Именно в такой атмосфере проходил процесс мировоззренческого становления Тэмужина-Чингисхана. Важнейшие элементы его мировоззрения: систему ценностей, идеалы, веру и убеждения — определили в том числе и традиционные верования монголов — тэнгрианство, «претворенное» в повседневном быту монголов. Именно с позиций тэнгрианства окончательно и безоговорочно было обосновано «небесное избранничество» предков Чингисхана, а значит, его самого и его «золотого рода». Чингисхан к тому времени свято уверовал в то, что «земная власть была неотделима от магической, поскольку и та и другая происходили от единого источника — Вечного Синего Неба (Всевышнего Тэнгри. — А.М.)». Свидетельством тому — слова, сказанные им в преддверии вступления на престол Великого хана Великого Монгольского Улуса:

«Я стал Владыкой
Не доблести благодаря великой.
Нет, волею Небесного Отца
Я стал Владыкой.
Талант мой — не племен объединенье,
Небесного Отца благоволение
Дало мне
Справиться со вражьей силой дикой.
Вот почему я стал Владыкой.
Да, с помощью Небесного Отца
Враг мною был подавлен.
Да, волею Небесного Отца
Владыкой я поставлен».

После таких слов Чингисхана вполне закономерным воспринимается вошедшее в «Великую Ясу» его повеление о фактическом объявлении тэнгрианства государственной религией: «Постановляется, что все должны верить в единого бога (Всевышнего Тэнгри. — А.М.), создателя неба и земли, единственного дарующего богатство и обрекающего на нищету, дарующего жизнь и обрекающего на смерть, согласно высшей воле Того, чья власть над всем сущим абсолютна».

Впоследствии эта мысль о силе, дарованной Всевышним Тэнгри Великим монгольским ханам, была выражена в следующей сакральной формуле: «Силою Вечного Всевышнего Тэнгри, харизмою Великого хана...» С этих слов в качестве преамбулы начинались все официальные послания Великих монгольских ханов европейским правителям, с которыми вы познакомитесь во втором разделе этой книги.

В приведенных выше преамбуле и словах Чингисхана фактически сформулирована концепция политической власти созданного им Великого Монгольского Улуса, в основу которой было положено тэнгрианство. По мнению монгольского ученого Ш. Бира, в соответствии с этой концепцией «Всевышний Тэнгри и Хан провозглашались двумя основными источниками Высшей государственной власти. Сущность Всевышнего Тэнгри проявлялась в его «силе», посредством которой он поддерживает хана и покровительствует власти своего избранника. Иначе говоря, ханская власть имеет, так сказать, «небесное происхождение» и является абсолютной, ни от кого и ни от чего не зависящей. Хан верует только в «силу Небесную», благодаря этой силе вершит государственные дела, осуществляя при этом только волю Всевышнего Тэнгри. Сущность хана проявляется в его харизме, которая непосредственно зависит от сил, которыми хана наделяет Всевышний Тэнгри. И только человек, пользующийся покровительством Всевышнего Тэнгри

и наделенный им харизмой, может стать ханом и обладать абсолютной властью».

Чингисхан был воистину харизматическим вождем, который не только сам твердо уверовал в свою сверхъестественную судьбу, дарованную ему Всевышним Тэнгри, но и смог убедить в этом других и повести их за собой, как «посланцем Небесного владыки», исполнителем воли Верховного божества монголов. В результате Чингисхан объединил в Великий Монгольский Улус все монголоязычные племена, и, как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», «воцарились тогда мир и справедливость в улусе войлочностенном, и в год Тигра (1206 год.— А.М.) у истока Онона собрался народ его на хуралтай, и воздвигли они белое девятибунчужное знамя свое и провозгласили всенародно Тэмужина Чингисханом».

Размышляя о дальнейшей судьбе созданного им Великого Монгольского Улуса, Чингисхан не мог не задумываться о соседствовавших с ним державах Алтан-хана, кара-киданей, хорезмшаха, Тангудском царстве. Чем больше он узнавал о своих соседях, тем больше убеждался, что по вине их властителей они раздражаются такими же противоречиями, с которыми он столкнулся на просторах Монголии, и главное, их предводители враждебно относятся к созданному им монгольского государству. Очевидно, осознав это и, так сказать, снова «пережив мистический опыт» общения с Всевышним Тэнгри, Чингисхан уверовал в то, что Небесный Владыка «назначил ему к исполнению» дело объединения всех стран и народов мира в единую державу. Подтверждение этого «мистического опыта» мы находим в письме (1262 г.) монгольского хана Хулагу (1217–1265, основатель державы Ил ханов) Людовика IX: «Бог (Всевышний Тэнгри.— А.М.) ...говорил нашему деду Чингисхану: «Я один являюсь Всемогущим богом в наивысших сферах и ставлю тебя над народами и... царствами, чтобы ты был правителем и царем всей земли, чтобы ты искоренял, подавлял спесь, ниспровергал, разрушал, строил и выращивал». Так или иначе, в первое десятилетие существования Великого Монгольского Улуса постулаты древних верований кочевников, тэнгрианства, были в значительной степени пересмотрены. Как писал Ш. Бира, «прежде, во времена империй Хунну и Тюрков, тэнгрианство было предназначено для создания культа власти Хана только над определенным кочевым народом. Иначе говоря, представление о Всевышнем Тэнгри не распространялось на весь мир, а ограничивалось лишь определенным государством. Поэтому и власть Хана, уповавшего на силу Всевышнего Тэнгри, не могла распространиться за пределы данного государства. Однако во время правления Чингисхана понятие «Всевышний Тэнгри» получило новое, более глу-

бокое осмысление, а тэнгрианство легло в основу целостной политической концепции, тэнгэризма, о сверхъестественной Высшей силе, которая решает судьбы всего мира и является источником харизмы Чингисхана и его преемников — членов «золотого рода»; эта концепция стала мощным моральным доводом, узаконившим их насильственные действия в мировом масштабе... С небывалой обширной экспансией при преемниках Чингисхана и с созданием мировой империи тэнгэризм приобрел характер своеобразной, универсальной идеологии, которую следует назвать идеологией тэнгэризации. Согласно этой доктрине, Всевышний Тэнгри является высшей всемогущей божественной силой во Вселенной, которая покровительствует Великому хану и повелевает ему действовать от Его имени и реализовать Его волю на Земле. Иными словами, все, что находится под Вечным Синим Небом, должно быть объединено под властью монгольских ханов...».

Эта идеология тэнгэризма нашла свое воплощение во внешнеполитической деятельности Чингисхана. По мнению исследователя внешней политики Чингисхана, монгольского ученого Ж. Бора, «внешняя политика и дипломатическая деятельность Чингисхана первого периода (до начала похода на империю Цзинь в 1211 году.— А.М.) свидетельствовали о том, что он попытался внедрить и закрепить в международные отношения те новые элементы дипломатической политики, которые были разработаны им в ходе взаимоотношений его улуса с другими монгольскими ханствами. В частности, Чингисхан предложил соседним государствам придерживаться в межгосударственных отношениях следующих принципов: в любых ситуациях уважать право послов на неприкосновенность; отказаться от начала военных действий без объявления войны; не считать приоритетным выступление с позиции силы. Средством для осуществления внешней политики, построенной на этих принципах, являлась «открытая или гласная дипломатия», разработанная Чингисханом... К сожалению, правители соседних держав отвергли его инициативу и продолжали чинить произвол, по-прежнему действуя варварскими методами...

Следующий период (после 1211 года.— А.М.) внешнеполитической и дипломатической деятельности Чингисхана характеризуется пересмотром в определенной степени концепции его внешней политики; на это его подвигли события 1208–1210 гг., предшествовавшие походу монголов на державу Алтан-хана (последний не захотел отказываться от сюзеренитета над «северными варварами» и не признал Великий Монгольский Улус), а также вероломные действия хорезмшаха в 1218–1219 гг. (убийство послов и торговцев, прибывших из Монголии). Новая позиция Чингисхана в деле обе-

спечения мира между народами заключалась в следующем: мир следовало не просто отстаивать, защищая свою территорию; необходимо было лишить других способности напасть на тебя. Так зародилась новая доктрина международных отношений Чингисхана, получившая название *Рах Mongolica*: установление и поддержание мира «твердой рукой». Новая доктрина международных отношений нашла свое отражение в «Великой Ясе» Чингисхана, в которой сказано: «Запрещается заключать мир с монархом, князем или народом, пока они не изъявили полной покорности»... А вот что сказал Чингисхан о реализации своей доктрины после завоевания Северного Китая и державы хорезмшаха: «Только приходит моя рать, дальние страны умирятся и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов...» Принимая во внимание это высказывание Чингисхана, кажутся вполне обоснованными выводы российских ученых Г. В. Вернадского и Н. С. Трубецкого в отношении его доктрины «всемирного единодержавия». Рассуждая о главной цели «грандиозной концепции универсальной империи» Чингисхана, Г. В. Вернадский писал: «Именно имперская идея стала отличительной чертой ведущего монголов вперед духа завоевания... Монгольские императоры вели свои войны с очевидной целью достижения всеобщего мира и международной стабильности. В случае достижения этой цели ценой безопасности человечества становилось постоянное служение государству каждого и всех; это должно было установить порядок жизни и социального равенства». Н. С. Трубецкой, в своих трудах уделявший большое внимание изучению «идеологической основы царства Чингисхана и идейной сущности его государственной теории», видел свою задачу в том, чтобы «уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках и руководствах главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению...»

Почти тридцать лет (1178–1206) потребовалось Чингисхану, чтобы создать армию, воспитать военачальников, способных реализовать его доктрину «всемирного единодержавия». Китайский историк Сайшал дал следующую

щую периодизацию военного строительства Чингисхана: «Нам неизвестны конкретные исторические свидетельства о том, когда впервые Чингисхан создал свою армию. Однако после того, как в 1178 году Борчу и Зэлмэ явились к Тэмужину нукерами, очевидно, в его распоряжении появилось небольшое количество воинов. А в следующем, 1179 году, когда Тэмужин, поддерживаемый Ван-ханом и Жамухой, впервые воевал с мэргэдами, у него, несомненно, уже был боевой отряд. Вся армия Чингисхана представляла собой исключительно кавалерию. Процесс ее организации и становления можно разделить на четыре основных этапа.

Первый этап — с 1178 по 1189 год (год провозглашения Тэмужина ханом улуса «Все Монголы»). В этот период времени Тэмужин завязывал дружбу со своими будущими нукерами-сподвижниками, устанавливал контакты с новым поколением знати монголоязычных племен, при этом ставя во главу угла численное увеличение своего воинства. Представления о формировании и организации войска в то время у Тэмужина были достаточно примитивными. В основном все съезжались на совместную облавную охоту, в остальное время — пребывали каждый в своем стойбище. Когда же объявлялся военный поход, запасшись провиантом, воины собирались в назначенное время в условленном месте. Набег на мэргэдов, который приходится на этот период времени, имел важное значение для последующего военного строительства Чингисхана.

Второй этап берет свое начало в 1189 году с провозглашения Тэмужина в первый раз Чингисханом и подчинения им нирун-монголов и продолжается до весны 1204 года, когда Чингисхан начал реорганизацию своей армии, сформировав ее подразделения — «тысячи», «сотни», «десятки». Этот этап можно считать периодом масштабного развертывания военного строительства, которое, и это главная особенность этого этапа, проводилось одновременно с многими боевыми кампаниями... В течение четырнадцати лет Чингисхан участвовал в пятнадцати крупных сражениях. На этом этапе основной формой боевой организации воинства Чингисхана был курень. Хотя «курень» как организационная форма был порождением родового строя, его сущность в эпоху Чингисхана претерпела качественные изменения. Эти изменения выразились в том, что «курень», являвшийся формой совместных перекочевок скотоводов-сородичей, превратился в форму боевого построения войска при оборонительно-наступательной тактике.

Третий этап военного строительства начался весной 1204 года, когда «куренная» форма построения войска уступила свое место более компактной и эффективной «тысячной», и продолжался до 1206 года — года про-

возглашения Великого Монгольского Улуса. Это был период становления армии на новых принципах ее формирования. Осуществление военной реформы диктовалось требованием практики боевых действий того времени. Бесспорно, что «курень» как организационная форма был эффективен при оборонительных действиях. Но также очевидно, что эта форма не подходила для тактики наступления по всему фронту, которую Чингисхан применял в большинстве случаев.

Четвертый этап начался после провозглашения образования Великого Монгольского Улуса в 1206 году, когда был завершен переход от «куренной» формы боевого построения к формированию армии строго по десятичной системе («десятка», «сотня», «тысяча»), что позволило уже вскоре иметь десять тумэнов «железной кавалерии».

Следует добавить, что извечной, традиционной спутницей куренной формы организации войска была вольница родовых вождей, которые хотели — являлись на общий сбор, а если не хотели — игнорировали его. Чтобы покончить с этой пагубной практикой, окончательно закрепить в армии принцип единоначалия, передать бразды правления всеми подразделениями армии улуса в руки своих надежных, опытных нукеров, Чингисхан и осуществил перевод строящейся им армии на десятичную систему формирования и управления. На Великом хуралдае 1206 года, как явствует из «Сокровенного сказания монголов», «всех, кто усердие приложил к созданию государства, назначил владыка ноёнами тумэнов, тысяцкими, сотниками и десятниками; пожалованья и милости достойных пожаловал и людям, повеления его достойным, повелел».

Н. С. Трубецкой, на мой взгляд, прекрасно охарактеризовал соратников Чингисхана, всех тех, «кто усердие приложил к созданию государства»: «К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность были выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену... Люди ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия... В сознании их всегда живёт особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя че-

ловека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти... Когда человек такого психологического типа повинуетсa своему непосредственному начальнику, он повинуетсa не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы... Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя как часть известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, а Богу (Всевышнему Тэнгри. — А.М.). Измена и предательство для него психологически невозможны, ибо, изменив своему непосредственному начальнику, он тем самым еще не освобождается от суда начальников, более высоко стоящих, и, даже изменивши всем земным начальникам, все-таки не уходит из-под власти суда Божьего, из-под власти божественного закона, живо пребывающего в его сознании. Это сознание невозможности выхода из-под власти сверхчеловеческого, божественного закона, сознание своей естественной и неупразднимой подзаконности сообщает ему стойкость и спокойствие фатализма. Чингисхан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших на земле государств, он продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчиненность высшей воле и смотреть на себя как на орудие в руках Божиих (Всевышнего Тэнгри. — А.М.) ...

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше».

Среди проведенных Чингисханом военных реформ особое значение придавалось формированию его личной гвардии — хэшигтэна. Прообразом ее стало созданное в 1189 году подразделение личной охраны Чингисхана — турхаг. «Чингис, — писал русский монголовед Б. Я. Владимирцов, — слиш-ком хорошо знал, как легко в степях при кочевом быте можно подвергнуться внезапному нападению, которое разом может прикончить начинающеся